
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-58-63

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНА АЛИМА КЕШОКОВА «КОРНИ»

Алхасова Светлана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhas55@mail.ru

В статье впервые рассматриваются вопросы интертекстуальности романа Алима Кешокова «Корни». Отмечается, что интертекстуальность произведения выводит на сцену смысловые особенности художественного описания временных пластов, условия его прочтения, уровни восприятия и глубинную природу описываемых явлений и событий. Эти три основные матрицы достаточно ярко просматриваются в романе.

Поднимается вопрос о времени как необходимом компоненте интертекста, условие его существования. Вот почему для понимания интертекста так важен компонент «историческое время». Определив интертекст как информационную реальность, автор тем самым выводит временной фактор произведения. Отмечается, что к общим свойствам такого времени относятся его многомерность и необратимость. Природа интертекста раскрывается в том, что главная героиня – дочь адыгского народа, и зовут её также, как и прабабушку – Дафарадж, и жизненный путь этих женщин всецело предначертан судьбой.

В результате исследования автор приходит к выводу, что стремление писателя осмыслить прошлое, разобраться в настоящем, осознать будущее как историческую перспективу привело талантливого прозаика к этому произведению.

Ключевые слова: интертекст, роман, смысловые особенности, художественное описание, сюжетная линия.

Роман Алима Кешокова «Корни» посвящен не только и не столько художественному описанию истории адыгского (черкесского) народа. Ранее мы отмечали, что автор поставил более глубокую задачу – «...историко-философского осмысления судьбы адыгского народа» [Кешоков 2009: 3]. С помощью художественного описания жизни, исторического пути, пройденного народом, на примере трех поколений одной адыгской семьи, писатель раскрывает исторические события прошлых эпох, ставит философские вопросы и старается на них ответить.

Время есть необходимый компонент интертекста, условие его существования. Вот почему для понимания интертекста так важен компонент «историческое время». Определив интертекст как информационную реальность, мы тем самым выводим временной фактор произведения. К общим свойствам такого времени относятся его многомерность и необратимость. Роман «Корни» – это большое многоплановое полотно, это роман в романе, который охватывает несколько временных пластов: Золотой век Черкесии, период Кавказской войны XIX века и современность. Но интертекстуальное существование романа как раз и оправдано тем, что позволяет вводить в письмо историю. Произведение приобретает осмысленность именно на фоне исторических событий. Авторский замысел в романе

таков: как случилось, что некогда процветающий адыгский народ стал исчезать, постепенно вырождаться, почему стали засыхать его корни? Такая тенденция в романе не только продлевает ему жизнь, но делает его интертекстуальное поле более плотным.

Необычным является построение романа. Сюжетная линия произведения достаточно сложная и имеет множество непростых сплетений. Повествование ведется от лица молодой женщины по имени Дафарадж. Символично, что она врач-гинеколог. Автор романа взял на себя непростую задачу: на протяжении всего произведения мыслить и рассуждать согласно женской логике. В то же время главная героиня романа – женщина с сильным характером, она мыслит и часто поступает как мужчина. К тому же она – феминистка, считает, что женщина и мужчина должны быть равными в правах. «И хотя писателю не в полной мере удалось овладеть женской логикой мышления, тем не менее, женские образы выписаны ярко, рельефно и полнокровно» [Алхасова: 5, 7].

Интертекстуальная плотность романа выражается еще и тем, что каждая часть романа представляет собой новую ткань, сотканную из прошлого. В то же время она является фундаментом, на котором зиждется настоящее и будущее. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом, пластов, и т. д., – все они «...поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку в тексте и вокруг него существует язык оригинала, а уж потом – и язык перевода» [Бархударов 2007: 12–13]. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников (языка, этноспецифики и т.д.) и различных влияний. Она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, также, как и бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек.

Роман начинается с того, что младшая Дафарадж собирается в дорогу, на родину своей прабабушки, в Анапу. Но обстоятельства не позволяют сделать ей этого: к ней, врачу, привозят тяжело больную девочку Салиму, и она вынуждена остаться дома. Сидя у постели больной девочки, врач, молодая женщина, феминистка, целеустремленная и преданная своей работе, старается отвлечь ребенка рассказами об истории своей семьи, жизни и судьбе своей прабабушки. Через историю жизни старшей Дафарадж раскрывается история адыгов не только живущих на Кавказе, но и далеко за ее пределами. История эта идет вглубь веков, вплоть до XIX века и далее, когда адыгский народ пережил трагедию Кавказской войны. Перед нами раскрываются удивительные пласты истории народа, жестокие сцены расправы военных царской армии над местным населением в адыгских селах, сцены гибели в морской пучине лучших отважных черкесских сынов: «Закрываю глаза и вижу воображаемый город Матрадж, что был на месте нынешней Тамани. Крымские сеймены – воины и сборщики дани – пересекали море и становились здесь лагерем, готовясь к нашествиям. Через полуостров устремлялись они черной тучей в Междуречье и обрушивались на адыгские селения. В один из таких набегов на Кызылташ адыги Шапсугии, преследуя налетчиков, потерпели столь сокрушительное поражение, что не осталось в живых ни единого человека, ни даже лошади. А вдовы, находя на поле брани башлык или папаху, поднимали плач по покойнику, словно нашли тело своего воина» [Кешоков 2009: 3].

В более общем плане характеристика персонажей, осуществляемая в романе посредством интертекстуальности, предполагает «...наличие ценностного суждения, а интерпретация цитируемого текста, к которой подталкивает интертекстуальность, не может быть чисто текстовым эффектом» [Степанова 2001: 36–37], лишенным всякой связи с той эпохой, которая эту интертекстуальность порождает: «О чем бы я ни говорила – привношу что-нибудь из сегодняшней жизни. А как иначе? В каком бы времени ни жили женщины из моих историй – есть между ними незримая связь, души их настроены на одну волну, а

если сравнивать судьбы – тут сходства еще больше, разница лишь в малых деталях», – поясняет младшая Дафарадж в начале романа» [Кешоков 2009: 5]. То есть, интертекстуальность приобретает суть через это придание новой значимости теме наследственности и трагической модели испытаний.

Глубинная природа интертекста раскрывается в том, что главная героиня – дочь адыгского народа, и зовут её также, как и мать, и бабушку, и прабабушку – Дафарадж, и что жизненный путь этих женщин всецело предначертан судьбой.

Самым привлекательным является образ старой женщины, которая приходится прабабушкой Дафарадж, она родилась ещё в эпоху Золотого века Черкесии. Старшая Дафарадж, прежде всего, мать: «Вырастив ребенка, адыгская мать говорит ему традиционное напутствие: «Я оградила тебя от огня, я не дала тебе обвариться кипятком» [Кешоков 2009: 23]. Это означает, что она свой долг исполнила, а дальше человеку надлежит заботиться о себе самому. «Но знали ли наши бедные матери, что мы попадем в такую беду, что никакая защита нам не поможет...» [Кешоков 2009: 24]. «Вот оно, женское счастье: оно зримо, как облако, но попробуй достать. Оно гонимо ветрами, оно пропитано грозами и дождями... оно бестелесно, и все же, стоит ему пролиться благодатным дождем на истомленную жаждой землю, на растения, на измученных людей – и жизнь начинается заново» [Кешоков 2009: 230].

Почему роман назван «Корни»? Назван он так не случайно: он посвящен женщинам, а женщины – это и есть корни этноса: «Много прекрасного сказано об адыгской женщине. Среди всех женщин всей земли она – одна из самых прекрасных. Но волею судьбы адыгским (черкесским) мужчинам не всегда удавалось их беречь. И поэтому народ стал гибнуть» [Кешоков 2009: 10]. И далее: «Женщина – основа государства, если женщина благополучна – благополучно и государство. ... Это слова пророка Мухаммеда» [Кешоков 2009: 11]. Эти программные слова вложены автором в уста младшей Дафарадж.

Нередко интертекст мотивируется содержащейся в тексте метафорой. Но он может быть мотивирован и метонимией, когда новый смысл возникает не в результате добавления каких-то элементов к образному строю текста, а по причине наличия между двумя текстами отношения смежности. Этот вид мотивации играет особенно важную роль в романе: «...она знаменита по всей земле своей красотой, домовитостью, хорошими манерами, трудолюбием. На заморских невольничьих рынках покупатель прежде всего спросит: откуда товар? Как слышат в ответ сокровенное слово «адыгэ» – и все сомнения улетучиваются. Ещё бы, с такой женщиной никогда не пропадешь, она соорудит над твоей головой шатер в пустыне, разведет огонь на снегу, оденет тебя и твоих детей в самотканное одеяние, и за ночь сошьет сыромятную обувь. Она встанет до света и не ляжет допоздна, порой никто за всю жизнь так и не узнает, когда же она успевает поспать или поесть. Если бы все женщины рода адыгов могли пускать корни на своей земле – не было бы равных нам по силе, и никакое нашествие нам не грозило. Но... проклятое время работало против нас, и лучших наших женщин продавали первым встречным. И жили наши соплеменники по всему Востоку, улучшая породу иноземцев, либо у услужении у тех, кто мизинца их не стоил...» [Кешоков 2009: 231].

Как известно, роман Алима Кешокова «Лъапсэ» («Корни») впервые опубликован в журнале «Ошхамахо» в 1990–1991 гг. Издан отдельной книгой в книжном издательстве «Эльбрус» в 1994 году. Восприятие данного произведения в 1990 году значительно отличается от его восприятия сегодня, спустя тридцать лет. Ведь в каждую эпоху происходит новое прочтение произведения: прошлое в свете текущих событий, будь оно посвящено политическим событиям, связано с идеологией или искусством. Поэтому роман наделяется новой значимостью, которую эпоха несет в себе как раскрытие условных знаков своего времени, если хотите, как легенду.

Печать обреченности лежит на всех поколениях женщин этой семьи. Старшая Дафарадж рано осталась вдовой с единственным сыном на руках. Ее выкрали купцы-воры и с целью продать ее египетскому паше Мухаммеду-Али, посадили на большую лодку и пустились в путь через море. Но вскоре, неподалеку от родного берега женщина, усадив за спину ребенка, спрыгнула с лодки в море и поплыла назад. Доплыв до берега, она оказалась в незнакомом селении, где жили ее дальние родственники. Не спросив даже согласия, Дафарадж отдала в жены владельцу села. Мечтавшая вернуться в родные места женщина стала терять надежду на скорое возвращение домой. Вскоре убили ее мужа, и Дафарадж вновь стала вдовой. Вырос сын, женился, обзавелся семьей, и, благодаря невестке Дафарадж освободилась от повседневных семейных тягот и забот. И тут Дафарадж увлекается лекарством: она собирает различные травы, варит снадобья и успешно лечит людей. Слава о ее удивительных способностях народной целительницы доходит до турецкого султана Абдул Мажида. Дафарадж везут к султану, и она исцеляет его жену, затем лечит и других его приближенных. В благодарность турецкий паша помогает женщине отправиться в Мекку для принятия обряда хадж. В дороге и в самой арабской стране Дафарадж видит много горя. Но вернувшись домой, она понимает, что и здесь жизнь людей не лучше: всюду несправедливость и горе. Ведь одна часть адыгов вынуждена была уйти в чужие страны и терпит там унижения и гонения. Оставшаяся часть народа осталась жить под гнетом другого государства. «Дафарадж исполнилось уже 100 лет, за плечами у нее уже большой жизненный опыт, вот почему она умоляет своих соплеменников не уезжать в чужие страны, покидать историческую родину. Но люди не слушают ее, ведь говорит им все это всего лишь женщина. «Подлинного уважения и подлинного признания их прав не хватает адыгским женщинам, хочет сказать нам автор романа. – Мужчины и женщины не равноправны. Адыгские женщины бесправны, зажаты, они стали игрушкой в руках мужчин» [Кешоков 2009: 229].

В романе впервые в истории кабардинской литературы показана судьба сразу нескольких поколений, временные планки раздвинуты, насколько это было возможно. Много внимания уделяется социальному построению адыгского общества в XIX веке. Читатель почерпнет много удивительных строк жизни той далекой эпохи, описанных автором художественно достоверно. Писатель мастерски соединил невидимой нитью события прошлых далеких эпох и дней сегодняшних. В романе умело применен способ исторического мышления: то, что происходило в очень давние времена, Дафарадж рассказывает, словно это часть ее жизни.

Интертекстуальность позволяет автору установить очень тесную связь между описанием исторического места и события и временной перспективой. Упомянутые в произведении тексты удостоверяют неизменность местности, а берущая начало в глубине веков литературная традиция показывает, что, несмотря на все превратности судьбы, местность остается все той же, но постоянно обогащается новыми описаниями. И наоборот, тот факт, что по поводу одной и той же местности можно привести множество текстов, свидетельствует о сохранности и живучести литературной традиции.

Однако наше утверждение можно поменять на обратное, ибо тексты, цитируемые в «Льапсэ» («Корни»), свидетельствуют о противоположном факте – о неизменности пространства при изменении местности; исторические события и в самом деле могут иногда до такой степени изменить место, что оно становится неузнаваемым. Так, чем больше произведение насыщено специфическими особенностями народной жизни, тем ярче проявляется в нем национальное своеобразие. На наш взгляд, национальное своеобразие художественного текста на языке оригинала обусловлено, с одной стороны, выражаемым им содержанием, а с другой – формой, включающей в себя языковые возможности, которые являются плотью и кровью оригинального текста.

Итак, подведем итоги нашего анализа. Во-первых, интертекст становится мерилом трагичности событий в произведении. Он наблюдается в конкретном месте и в конкретное время. Во-вторых, неизменность места не скрывается от читателя никакими обстоятельствами. К примеру, в романе Алима Кешокова «Корни» цитации соединены глубинной связью с историческими темами трагедии народа, войны и разрушения, и вселенского упадка. Как видно из нашего анализа, некоторые формальные особенности интертекста, оригинальности текста, не всегда сохранены. Оправдан ли такой подход, и какой цели подчинил автор такой подход, отступая от текста? Да, оправдан. В данном случае подход к интертекстуальности был подчинен более серьезной задаче – передаче национальной особенности и, главное, художественному содержанию текста. И, конечно же, здесь важен авторский почерк. В данном случае, интертекстуальность значима в параметрах: «субъект», «место», «память». В романе удались многие эпизоды, к примеру, сцены трагических событий, связанных с обстрелами паломников, названные «Черной грозой», а также описания случаев издевательства генералов Лазарева, Ермолова, поведение русского царя Адександра II и др.

Таким образом, интертекст предстает в нашем случае в виде своеобразного шарнира, вокруг которого сгруппировались все события романа. Неизменность основного субъекта романа (адыги) свидетельствует об отсылке к другим произведениям на эту тему, и позволяет субъекту письма вписать себя в реальность, в историю, в литературу.

Источники и литература

1. *Алхасова С.М.* Принцип следования народным традициям в романе Алима Кешокова «Корни» // А.П. Кешоков: Творческая личность в поликультурном пространстве. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию А.П. Кешокова. Сборник материалов. Нальчик, 2015. С. 3, 5, 7.
2. *Кешоков Алим.* Корни. Роман. Перевод с кабардинского Ларисы Маремкуловой. Нальчик, «Эльбрус», 2009. С. 3, 5, 11, 24, 230, 231.
3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Либроком, 2007. С. 12–13.
4. *Къыщокъуэ Алим.* Лъапсэ. Роман. Налшык: Эльбрус, 1994.
5. *Степанова Ю.* Субстанции интертекста. Вводная статья // Антология «Семиотика». М.: «Академический Проект»; Екатеринбург: «Деловая книга», 2001. С. 36–37.

INTERTEXTUAL SPACE OF THE NOVEL ALIM KESHOKOV «ROOTS»

Alkhasova Svetlana Mihailovna, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Cherkess Literature Sector of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The article first discusses the intertextuality of Alim Keshokov's novel «Roots». The author notes that the intertextuality of the novel brings to the stage the semantic features of the artistic description of the time layers, the conditions for its reading, the levels of its perception and the deep nature of the described phenomena and events. These three main matrices are quite clearly visible in the work of Alim Keshokov.

The question is raised about time as a necessary component of the intertext, the condition for its existence. That is why the historical time component is so important for understanding intertext. Having defined the intertext as informational reality, the author thereby deduces the time factor of the work. It is noted that the general properties of such a time include its multidimensionality and irreversibility. The deep nature of the intertext is revealed in the fact that the main character is the daughter of the Adyghe people, and her name is the same as her mother, grandmother, and great-grandmother – Dafaraj, and that the life path of these women is completely destined.

As a result of the study, the author comes to the conclusion that the writer's desire to comprehend the past, to understand the present, to realize the future as a historical perspective led the talented prose writer to this work.

Keywords: intertext, novel, semantic features, artistic description, storyline.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-1-44-58-63